

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Бурак А.А.,

студент 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Терроризм, экстремизм, правовое противодействие терроризму.
Keywords. Terrorism, extremism, legal actions against terrorism.

В настоящее время в мировом сообществе, несомненно, наличествует консенсус в отношении необходимости борьбы с террором, но все еще существует много споров относительно наилучшего способа ведения этой борьбы. Это неудивительно, поскольку цена войны высока. Эффективная борьба с терроризмом предполагает нахождение правильного баланса между безопасностью и общественными интересами, с одной стороны, и необходимостью защиты прав человека и основных свобод, с другой. Это чрезвычайно сложный процесс. К сожалению, эта дилемма не нова для правовой системы стран Ближнего востока и Северной Африки (далее – БВСА) в целом. Целью данного исследования – охарактеризовать особенность правового противодействия в странах БВСА.

Материал и методы. Материалами исследования послужило антитеррористическое законодательство стран БВСА, анализ официальных статистических данных. Основные методы – сравнительно-правовой, системного анализа, диалектико-материалистический метод.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на то, что на БВСА зафиксировано самое большое число погибших в результате терроризма с начала XX века, доля региона в общемировом числе за промежуток с 2016 по 2020 г. существенно снизилась. Согласно Глобальному индексу терроризма за 2020 г., в регионе БВСА второй год подряд зафиксировано наиболее значительное снижение числа смертей, связанных с терроризмом, причем с 2016 г. число таких смертей сократилось на 87% – это самый низкий зарегистрированный уровень с 2003 г. Одной из самих смертоносных террористических группировкой региона является исламистская суннитская террористическая организация Исламское государство Ирака и Леванта (далее – ИГИЛ), на долю которой с 2014 г. приходится более 11 500 смертей, связанных с терактами. Из нападений, свидетелями которых стала БВСА в 2021 г., ИГИЛ и связанные с ним группировки взяли на себя ответственность за 463 нападения, или 36% от общего числа нападений [1].

Терроризм как концепция сопряжен с проблемами определения, которые выходят за рамки событийного контекста региона БВСА. Ученые отмечают, что универсального и общепринятого определения терроризма не существует, большинство определений противоречивы из-за идеологических и политических расхождений, мотивации действующих лиц, основанных на субъективных и объективных региональных факторах. Эта проблема с определением в равной степени наблюдалась в европейских странах [2].

В то время как правительства стран БВСА приняли и активизировали внутреннюю политику и тактику, направленные на нейтрализацию и уничтожение насильственных группировок, особенно после терактов 11.09.2001, проблема единообразного подхода законодателя к дефиниции терроризма в странах региона осталась актуальной.

Так, УК Алжирской Народной Демократической Республики определяет терроризм как любое деяние, направленное против «государственной безопасности», «национального единства», «территориальной целостности» и «стабильности и нормального функционирования институтов», а в разряд террористических включает и действия по воспрепятствованию дорожного движения; посягательство на символы нации, препятствование работе государственных органов и др. Стоит отметить что чрезмерное использование таких терминов, как «общественный порядок», «национальное единство» и «государственная безопасность» при определении такого весьма противоречивого понятия, как терроризм, характерно не только для Алжира. Аналогичным образом, Турецкая Респуб-

лика при определении терроризма опирается на достаточно обобщённые термины, используя определения «общественный порядок», «неделимое единство государства» и «атрибуты республики» (ст. 1 Закона о борьбе с терроризмом). Схожим образом сформулированы положения УК Королевства Марокко, в соответствии со ст. 218 содержащие обширный перечень деяний, которые «серьёзно подрывают общественный порядок», таких как «совершение мошенничества или фальсификация денежных средств», «уничтожение, изменение или повреждение самолетов, кораблей или любых других видов общественного транспорта» и др. Сообразно стоит отметить что определение того, какие акты подпадают под действие этих широких терминологий и концепций, в значительной степени оставлено на усмотрение государства, что в свою очередь повышает вероятность расширительного трактования закона судами [3; 4; 5].

Одна из стран Ближнего востока, которая имеет значительный правовой законодательный и правоприменительный опыт противодействия терроризму, является Государство Израиль. Правовую основу борьбы с терроризмом Израиля составляют Закон о борьбе с терроризмом (5776-2016), Закон о запрещении финансирования терроризма (5765-2004) Закон о запрете отмыwania денег (5760-2000), Указ о предотвращении терроризма (№ 33 от 5708-1948), Закон о борьбе с преступными организациями (5763-2003) и др. Анализируя Закон о борьбе с терроризмом 2016 г. (далее – Закон 2016 г.) можно отметить, что несмотря на обширное наличие таких дефиниций как «террористическая организация», «террористический агент» («террорист»), а так же «собственность террориста», в нём отсутствует непосредственно общее понятие терроризма как противоправного явления. Однако из определения террористического акта в Законе 2016 г. можно синтезировать, что терроризм – это «действие, которое представляет собой совершение или угрозу совершения противоправного деяния, которое было совершено по политическим, религиозным, националистическим или идеологическим мотивам с намерением вызвать страх или панику среди населения или с намерением принудить правительство или другой государственный орган, включая правительство или другой правительственный орган иностранного государства, или публичную международную организацию, совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия и осуществление или угроза осуществления, вовлечение или создание фактического риска причинения серьёзного вреда телу или свободе человека и серьёзного вреда общественному здоровью или безопасности» [6; 7; 8].

8 июля 2014 г. армия обороны Израиля (АОИ) начала операцию «Нерушимая скала» против «Исламского движения сопротивления» (ХАМАС) и других насильственных экстремистских организаций (далее – НЭО), действующих в секторе Газа. Постоянные, долгосрочные последствия этого конфликта создают основу для концепции «операций сдерживания» как компонента общегосударственной стратегии предотвращения и борьбы с терроризмом [8].

В свою очередь, в Саудовской Аравии нет письменного и всеобъемлющего УК, уголовная политика ссылается на законы исламского шариата и соответственно их применяет. Относительно преступлений терроризма считается, что они являются частью того, что в шариате называется преступлениями «хирабы», которые включают «убийство и терроризирование невинных людей, распространение зла, воровство, мародерство и разбой на дорогах», а также «участие в краже или вымогательстве товаров» и др. [9].

Заключение. В качестве квинтэссенции данного исследования стоит отметить, что одним из основных недостатков стратегий борьбы с терроризмом в регионе является систематическая опора на «расплывчатые» концепции и широкие определения при определении террористических актов и правонарушений. Такие понятия, как «национальное единство», «государственная безопасность», «стабильность», «общественный порядок» и «безопасность общества», позволили некоторым режимам БВСА распространить определение терроризма на действия и правонарушения, которые необязательно могут быть связаны с терроризмом. Для того чтобы стратегии борьбы с терроризмом были эффективными, режимам стран БВСА необходимо опираться на четкие определения терроризма и выработать единообразные правовые подходы к понятийному аппарату. Более того, правительствам следует воздерживаться использования антитеррористических законов иногда в качестве инструментов про-

движения политических интересов отдельных элит. В долгосрочной перспективе подобные допущения – контрпродуктивны, поскольку облегчают вербовку в группы, склонные к насилию, и способствуют радикализации молодежи и маргинализированных слоев населения.

1. GLOBAL TERRORISM INDEX 2022 - MEASURING THE IMPACT OF TERRORISM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://imctc.org/en/eLibrary/INTReports/Pages/report18052022.aspx>. – Дата доступа: 05.09.2023.
2. Бурак, А.А. Правовые основы противодействия терроризму в США / Бурак А.А.; науч. рук. Ивашкевич Е.Ф. // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы X Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2022 года. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 282–284. – Библиогр.: с. 284 (8 назв.). URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/32702> (дата обращения: 06.09.2023).
3. Penal Code (promulgated by Order No. 66-156 of 18 Safar 1386 corresponding to June 8, 1966) Algeria [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/en/national-practice/penal-code-promulgated-order-no-66-156-18-safar-1386-corresponding-june-8-1966>. – Дата доступа: 07.09.2023.
4. TÜRK CEZA KANUNU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.5237.pdf>. – Дата доступа: 03.01.2023.
5. Morocco: Code Pénal [Morocco], 26 November 1962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/docid/54294d164.html>. – Дата доступа: 08.09.2023.
6. Israel and Terrorism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scholar.harvard.edu/files/martinkramer/files/terrorismssyllabus.pdf>. – Дата доступа: 03.01.2023.
7. THE COUNTER-TERRORISM LAW, 5776-2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawandisrael.org/wp-content/uploads/Topics/Terrorism/Anti-Terror-Legislation/Israel/The-Counter-Terrorism-Law-5776-2016.pdf>. – Дата доступа: 01.09.2023.
8. An Israeli Approach to Deterring Terrorism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cco.ndu.edu/Portals/96/Documents/prism/prism_5-3/An_Israeli_Approach_to_Deterring_Terrorism.pdf. – Дата доступа: 04.09.2023.
9. Death Penalty in the Middle East and North Africa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2012/491450/EXPO-JOIN_SP\(2012\)491450_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/briefing_note/join/2012/491450/EXPO-JOIN_SP(2012)491450_EN.pdf). – Дата доступа: 08.09.2023.

ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вазьмитель А.В., Корсунова К.С.,

студентки 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Петров В.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Доказывание, стадии доказывания, собрание, проверка, оценка, свойства доказательств.

Keywords. Proof, stages of proof, collection, verification, evaluation, properties of evidence.

Тема доказывание в уголовном процессе является важной и актуальной в настоящее время. Цель исследования – рассмотрение процесса доказывания, раскрыть его понятие, не закрепленного на законодательном уровне.

Материал и методы. Основным материалом исследования является уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и работы ученых-юристов. В ходе исследования были использованы общие и частные методы научного познания, в том числе методы системного анализа, логический, аналитический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Основопологающим нормативно-правовым актом, закрепляющим содержание доказывания, является Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). В статье 102 УПК Республики Беларусь закреплено, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела [1].

Сущность доказывания в уголовном процессе заключается в установлении конкретного комплекса обстоятельств, в следствии которых возможно справедливое разрешение уголовного дела.

Литература по уголовному процессу трактует понятие доказывания неоднозначно, независимо от решающей роли в установлении обстоятельств преступления. Доказывание является важнейшей основой в любом процессе, потому что без доказывания любой процесс терял бы свой смысл.

Э.В. Паникаренко отмечает, что понятие процесса доказывания неупорядоченно на законодательном уровне, за счет чего в юридической литературе авторы излагают